

24.9.94.

Эти двое встречались шесть раз. Причем первый являлся в одном и том же качестве, а второй менялся прямо на глазах: то это был прораб в каске, то батюшка с крестом на груди, а то и откровенный жулик. Свидетелями того, что выходило в результате этих встреч, было огромное количество людей, да и вы, читатель, наверняка — тоже. Ибо речь идет о режиссере Леониде Иовиче Гайдае и артисте Михаиле Ивановиче Пуговкине.

На момент первой «исторической» встречи в 1964 году у Михаила Ивановича за плечами были роли в двух фильмах про солдата Ивана Бровкина, а также «Девушка с гитарой», «Девчата». И тем не менее сам Пуговкин считает, что популярность ему принесли фильмы Гайдая.

— Началось ваше сотрудничество с «Операции «Ы»!

— Гайдай решил попробовать меня на роль здоровяка-верзилы (которого потом сыграл А. Смирнов). Загримировали, сделали фотопробы, а через несколько дней он вернул мне снимки. Сказал, что показывал их Пырьеву, а тот рассмеялся: для комедии такая физиономия не годится — слишком мрачная, настоящий бандит, только что из лагерей. И мне досталась роль прораба, помните, тот, что хлопает себя по каске и говорит: «Подарок из Африки». Обстановка в съемочной группе была теплой и симпатичной, мне понравилось. Да и режиссер сделал мне комплимент: со мной, мол, легко работать, я прихожу на съемку всегда готовым, зная текст... Вот так, взаимно довольными, мы и расстались. Чтобы встретиться снова.

— В фильме «12 стульев»! Вам, наверное, предложили вначале роль Кисы Воробьянинова!

— Меня сразу спросили, кого бы я хотел сыграть? А я за свою жизнь, за 52 года, что я в кино, ни разу ни у кого не попросил роль! Так и заявил. Хотя втайне о роли отца Федора подумывал, поскольку до тринадцати лет жил в деревне, а бабушка моя вообще была церковным старостой! Так что этот мир немножко знаю. Но сыграть священника? Мама у меня женщина деревенская, неграмотная, но очень верующая и мудрая. Я пришел к ней

Михаил Пуговкин:

Культура. — 1999. — 24 сент. — с. 5.

КРИТИКА МОРЩИЛАСЬ, ПУБЛИКА СМЕЯЛАСЬ!

рассказал: есть такая книжка, есть такая роль и не грех ли это, если сыграю батюшку. Она меня успокоила: дескать, ты ведь не бога высмеиваешь, а жадного попа. И знаете, когда меня загримировали, посмотрел я в зеркало, — обомлел, до того я был похож на нашего сельского священника. Даже Гайдаю сказал: «Что-то мне не по себе», а он в ответ: «И мне тоже. Давайте перекрестимся и начнем снимать».

— А стулья вы на самом деле рубили!

— Конечно, но вышло мне это боком. Гайдай несколько дней ждал шторма. дождался. Я целый день в одной рубашке, на ветру махал топором. Стулья были сделаны на совесть, одолеть их было почти невозможно. Снимали дубль

за дублем, я так вошел в роль, рубил, как одержимый. А вечером слег с радикулитом на три месяца.

— Наверное, сцену на горе снимали раньше! С радикулитом не взобраться на скалу.

— Ой, с этой горой тоже связан интересный случай. Выбрали натуру — гору высокую, неприступную. Сажу я на этой круче и все прошу, чтобы поскорее снимали, потому что подо мною — настоящие острые камни. Гайдай лично поднялся ко мне, по достоинству оценил и высоту, и мою стойкость и, спустившись вниз, наконец, скомандовал: «Мотор!». И что вы думаете? При просмотре материала выяснилось, что крутизны на пленке не видать, получилось, будто я на невысоком холмике сижу.

Пришлось в павильоне «Мосфильма» из фанеры соорудить гору и снимать все заново!

— Правда, что в этом фильме Леонид Иович снимался как артист!

— Помните эпизод, когда я прихожу покупать карточки на мебель? Вот хранителя этих карточек сыграл Гайдай. Должен вам сказать, что любой постановщик — партнер очень трудный: смотрит на тебя оценивающе, критически, мешает.

— Как же после прораба и батюшки возникла мысль превратить вас в элегантного ловеласа-кинорежиссера в фильме «Иван Васильевич меняет профессию»!

— Да я тоже думал, что меня не утвердят ни за что. По-нервничал порядком, а Гайдай оставался спокойным: знал, что все равно окончательный выбор будет за ним.

Он вообще к критике относился равнодушно. Многие считали его фильмы примитивными, говорили, что они к большому искусству отношения не имеют, а он приходил в кинотеатр, видел полный зал, и этого ему было достаточно. Иногда он меня спрашивал, в каких городах я бывал на творческих встречах, что там идет. И был очень рад, когда я честно признавался, что на экранах — его фильмы, и везде «битки» (то есть все билеты проданы).

С легкой руки Гайдая многие артисты становились популярными. Уж не говорю о знаменитой троице — Визин, Моргунов, Никулин. У Гайдая в фильме «Не может быть!» впервые появился Михаил Светин. Казалось бы, кино давно должно было его заметить, он ведь яркий комик, люди при его появлении сразу начинают смеяться. Сейчас-то он много снимается, но ведь открыл его Гайдай.

— Вы часто встречались помимо работы!

— Нас с Гайдаем связывали отношения несколько странные. Мы не дружили домами, не засиживались подолгу друг у друга в гостях. Он вообще по натуре был одиночка, всегда держался особняком. Не любил кинофестивали, не сидел в президиуме, даже на премьерах своих фильмов пролил меня, еще кого-нибудь сказать несколько слов. Но работать с ним было одно удовольствие. И когда я слышал в

трубке его приветствие, звучавшее, как пароль: «Добрый вечер, здравствуй», я уже знал; он что-то задумал и хочет пригласить меня.

— Вы даже на небольшие роли соглашались...

— Да, как в фильме «За спичками». Или вот такой пример: на роль Сан Саныча в фильме «Спортлото-82» он пригласил вначале Евстигнеева, но что-то там не получилось, и он предложил роль мне, честно признавшись, что была другая кандидатура. Он вообще не терпел вранья. Никогда не прикрывался фразами, что снимает «лирическую комедию» или там «философскую», он снимал просто комедию. Иные режиссеры ходят по площадке, морщат лоб, делают многозначительный вид, а он мог прийти и сказать: «Как ни печально, но я к этой сцене не готов — давайте думать вместе». Любил импровизировать, позволял это и артистам. Из него, как искры, сыпались предложения. Сколько из них не вошло, он же сам их и отменял: «Извините, это оказалось не смешно».

— А любимчики у него были!

— Любимых артистов было много, но предпочтения он не отдавал никому. Даже жене, актрисе Нине Гребешковой, которая снималась у него почти во всех картинах, — никаких похвалок. На ее долю выпадало столько же замечаний (если не больше), как и на всех остальных.

— Михаил Иванович, а все же: какой он был человек? Как бы вы определили!

— Несмотря на то, что я снялся у него в шести картинах, да еще играл небольшие роли в нескольких выпусках «Фитилей», а это в общей сложности двадцать лет работы, Леонид Иович остался для меня человеком неразгаданным. Одно я про него знаю точно: он был талантлив. Его картины, а их у него пятнадцать, одна смешнее другой, идут по 2—3 раза в году, интерес к ним не уменьшается. Многие фразы стали крылатыми, а герои — любимыми. Сколько бы ни морщились критики, публика охотно ходит. И так будет долго.

Беседу вела
Татьяна ПЕТРЕНКО.

● Л. И. Гайдай и М. И. Пуговкин.

Пуговкин Михаил Иванович